

Дальнейшее развитие этой же идеи, сопряженное с общим процессом формального освобождения знати от царских повинностей, спустя несколько веков мы находим в пятой главе «Книги Мертвых», магическая формула которой направлена на то, чтобы «не давать человеку работать в некрополе».

Выражением той же идеи являются и сами ушебти: это рабы, на которых возложена теперь обязанность работать в царстве мертвых за покойника и выполнять его обязанности. Потому-то стандартная формула VI главы «Книги Мертвых», выписанная на статuetках ушебти, и отредактирована от имени умершего к ушебти — обычно безыменному, абстрактному *р:бу*.

Но вместе с тем, для того чтобы обмануть богов и заставить их думать, что работает не раб, а сам покойник, статуетке придается и внешнее сходство с покойником и дается одежда, отнюдь не свойственная рабам. Вот это-то сходство, имевшее целью обмануть древнеегипетских богов, было в заблуждение и многих ученых.

И. Лурье

ПОДПИСЬ ПОД СТАТУЕЙ ИЗ АНАПЫ

Среди найденных в 1939 г., вместе с известной анапской статуей, хранящейся в Музее изобразительных искусств им. А. С. Пушкина, восьми мраморных обломков с греческими надписями имеются шесть, складывающихся вместе и образующих фрагментированную плиту размерами $33 \times 24 \times 3$ см с греческим текстом на обеих сторонах. Верхней части плиты и одной из сторон недостает. На сохранившемся углу с обеих сторон имеются выемки в виде двух сходящихся под острым углом борозд. На одной стороне прорезана, кроме того, еще одна небольшая, но глубокая выемка, идущая от края, параллельно тексту. Эти углубления, несомненно, служили для крепления плиты с помощью металлических скреп.

Количество текста на обеих сторонах неодинаково: на одной из них уцелело 8 строк, на другой — 6. Начальные строки надписей отсутствуют и с той и с другой стороны. Форма и размер букв неодинаковы. Надпись, сохранившая 8 строк, исполнена более изукрашенными и большего размера буквами, чем надпись оборотной стороны. Однако обе надписи, как это сразу видно из их сравнения, воспроизводят один и тот же текст.

Трудно представить себе, чтобы обе надписи были разделены большим промежутком времени. Их следует считать одновременными, а наличие большой разницы в шрифте может служить лишь предостережением при попытках датировать надписи римского времени на основании характера шрифта.

На одной стороне, которую мы будем называть стороной А, сохранились следующие строки (рис. 1):

1. ΣΙΑΕΩ
2. ΤΟΥΦΙΑ
3. ΡΩΜΑ . . . ΕΥΣΕΒΟ
4. ΔΡΩΤΟΝΠΡΙΝΕΠΙ
5. ΤΟΝΙΑΙΟΝΠΑΤΕΡΑΚ
6. ΡΟΔΩΡΟΣΝΕΟΚΛΕΟ
7. ΓΙΝΗΕΙΑΣΑΝΕΣΤΗΣ
8. ΕΝΤΩΓ

Рис. 1. Анапская надпись. Сторона А

Другая сторона — Б — содержит следующий текст (рис. 2):

1. ...Ι.....
2. ...ΤΟΝΠΙ.....
3. ΠΑΤΕΡΑ ... ΡΟΣ
4. ...ΡΓΠΠ. ΑΣΑΝΕ
5. ΕΙΜΗΣΧΑΡΙΝ
6. — Υ.....ΛΩΟΥΕΙ

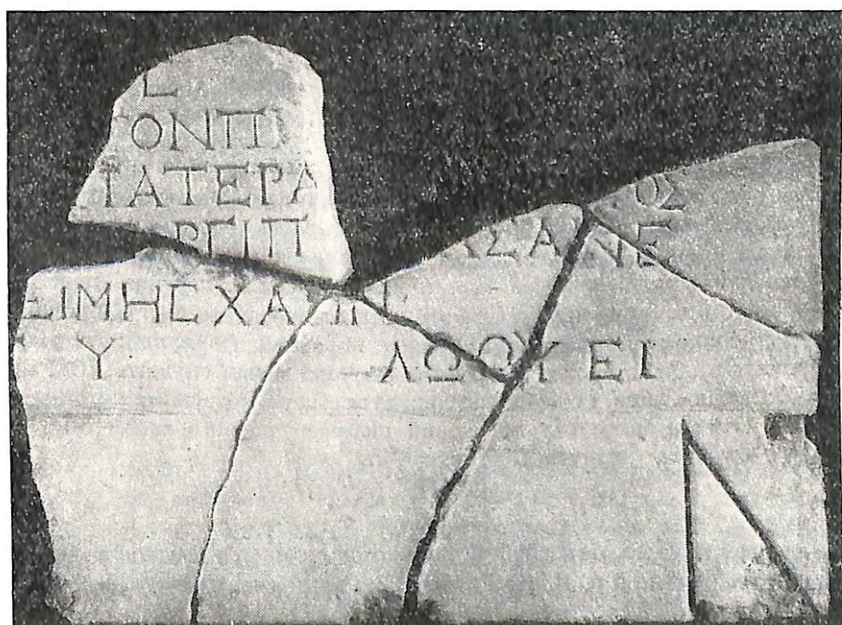

Рис. 2. Анапская надпись. Сторона Б.

В строках 2-й, 3-й и 4-й надписи Б мы частично встречаем те же слова и в той же последовательности, что и в строках 4-й, 5-й и 7-й надписи А. Это и дает основание думать, что надпись, первоначально исполненная на одной из сторон (вероятнее всего, на стороне А), оказалась неудовлетворительной и была, повидимому, почти без изменений, повторена на другой стороне плиты.

Принимая это во внимание, текст надписи на стороне А может быть предположительно восстановлен в следующей редакции ¹:

[Ἐπὶ βασιλέω[ς Τιβερίου Ἰουλίου]
[Σαυρομάτ]ου φίλ [οκαίσαρος καὶ φίλο] —
ρωμα[ίου] εὐσεβο[ύς, Νεοκλέα Ἡρο] —
δώρου> τὸν πρὶν ἐπὶ [τῆς Γοργυπείας]
τὸν ἴδιον πατέρα καὶ εὐεργέτην, Ἡ] —
ρόδωρος Νεοκλέου[ς ὁ ἐπὶ τῆς Γορ] —
γυπείας ἀνέστησεν τείμης χάριν]
ἐν τῷ γ[πυ] (ἔτει) Λώου εἰ']

Сохранившаяся часть надписи Б, повторяя текст надписи А, несколько иначе располагает слова на камне, не изменяя их порядка. Так, например, строка 4-я является неполной, укороченной, во всяком случае, с одной стороны. Неполной была и ее строка 1, она занимала лишь левую половину нормальной строки, остальное пространство оставалось пустым.

Если последняя буква этой строки (она почти совершенно сбита) может быть восстановлена как сигма, тогда последним словом в ней могло быть εὐσεβος, и верхняя часть надписи на стороне Б восстанавливается по дополнению, предложенному нами для стороны А. Поскольку это, все же, не может считаться несомненным, мы ограничиваемся восстановлением лишь строк 2—6:

.....
[Νεοκλέα Ἡροδώρου] τὸν π[ρὶν ἐπὶ τῆς]
[Γοργυπείας, τὸν ἴδιον] πατέρα, [Ἡρόδω]ρος
[Νεοκλέου[ς ὁ ἐπὶ τῆς Γοργυπείας ἀνέ —
[στήσεν τ]είμης χάριν
[ἐν τῷ γπ]υ' (ἔτει) Λώου εἰ'

Восстановление начала надписи, предложенное для стороны А, к сожалению, не может претендовать на большую вероятность.

Обычная для этого рода надписей формула, начинающаяся словами: βασιλεύωντος βασιλέως μεγάλου Τιβερίου Ἰουλίου Σαυρομάτου κτλ., здесь неприменима, так как она не уместится на том пространстве, какое представляют лакуны 1-й и 2-й строк. Однако мы имеем окончание имени царя на -του, каковым среди боспорских царей мог быть только Савромат, при этом, как указывает дата надписи, это был Савромат II.

Поэтому пришлось воспользоваться более короткой формулой: ἐπὶ βασιλέω[ς Σαυρομάτου, примером для которой в эпиграфике Боспора может служить, IOSPE, II, 48.

Имя собственное лица, которому воздвигнута статуя, содержится в отчестве лица, поставившего статую, поскольку последний называет первого своим отцом. Вторая половина его отчества читается в строке 4-й.

¹ В свое время при восстановлении текста этой надписи я неоднократно обращался за помощью и поддержкой к Б. Н. Гракову, который очень интересовался содержанием надписи и уделил ей много внимания. Приношу ему мою благодарность и прошу все то, в чем мне здесь удалось избежать ошибок, отнести не столько на мой, сколько на его счет.

Здесь мы наталкиваемся на затруднение. Имя поставлено в дательном падеже [Ἡροδόρῳ]. Можно было бы думать, что это имя лица, которому воздвигнута статуя. Но такое толкование вступило бы в противоречие с конструкцией дальнейшей части надписи, ибо определение стоит в винительном падеже τὸν ἴδιον πατέρα. Ошибка со стороны резчика в данном случае мало вероятна, так как текст обратной стороны в строке 2-й дает определение: τὸν π[ρὶν ἐπὶ...] опять-таки в винительном падеже¹. Эти соображения заставляют нас читать имя строки 4-й в родительном падеже Ἡροδώρου и толковать его как отчество лица, которому воздвигнута статуя, а имя его восстанавливать как Νεοκλέα.

Что касается титула, сопряженного с этим именем, восстанавливаемого нами, как ὁ ἐπὶ τῆς Γοργιππείας, то на нем, конечно, трудно настаивать. В его пользу говорит лишь титулатура сына. Здесь равным образом могло стоять ὁ ἐπὶ τῆς βασιλείας или что-либо другое.

Однако передача должности, а стало быть, и титула от отца к сыну или вообще в пределах одной семьи на Боспоре в римское время не должна представляться чем-либо исключительным (см. IOSPE, IV, 46, 423), и это дает нам некоторую опору для подобного восстановления.

В отношении титула лица, поставившего надпись, и заключительных ее строк мы находим поддержку в сохранившемся тексте. При этом заключительные слова надписи Б помогают восстановлению последних строк стороны А.

Остается вопрос о дате. Сторона А сохранила цифру единиц (γ'). Сторона Б сохранила цифру сотен (υ') и часть цифры единиц или десятков, в виде прямой палочки на уровне верхнего конца строки. Такую палочку могут иметь здесь две буквы: гамма и пи.

Можно было бы предположить, что комбинация двух букв, читаемых на разных сторонах плиты, и дает нам дату надписи: 403 г. боспорской эры, или 107 г. н. э., приходящийся на 14-й год царствования Савромата I. Однако стилистический анализ статуи не позволяет отнести эту типичную для антониновской эпохи скульптуру к столь раннему времени. Необходимо поэтому допустить, что между двумя известными нам буквами стояла третья — пи.

Этим самым мы получаем для нашей надписи, а следовательно, и для статуи в качестве даты — 483 г. боспорской эры = 13-й год царствования Савромата II = 187 г. н. э.

Что касается имен Ἡροδόρῳς и Νεοκλῆς, то они встречаются в горгинпийской эпиграфике не однажды, с различными отчествами (первое из них упоминается в IOSPE, II, 402, второе — в IV, 432, 434). Однако в таких сочетаниях, как в нашей надписи, имена эти ранее не встречались.

Впрочем, в одном, сильно фрагментированном, горгинпийском каталоге, изданном в IOSPE, IV, 434, упоминается Νεοκλῆς², ὁ ἐπὶ Γοργιπ[πε]ίας καὶ συναγωγῆς. Надпись вырезана, судя по воспроизведению, маюскулами, тем же самым шрифтом, что и сторона А нашей надписи. Возможно, следовательно, что этот Неокл и Неокл Геродоров нашей надписи — одно и то же лицо.

Если это так, то мы можем сказать о Неокле Геродорове, что он был не только правителем Горгинпии, но и синагогом, т. е. председателем общественных трапез (см.

¹ Как мне сообщил В. Д. Блаватский, внимательно обследовавший плиту в отношении соответствия ее базе статуй, лицевой стороной, — стороной, обращенной к зрителю, — была, судя по расположению вышеотмеченных пазов для укрепления, сторона Б. Это обстоятельство подкрепляет наше предположение об ошибке в тексте на стороне А, вследствие которой надпись и была переписана на стороне Б.

² У Латышева ошибочно это имя поставлено в родительном падеже и, стало быть, истолковано как отчество. Его следовало поставить в винительном, что явствует из контекста.

IOSPE, II, стр. 58, № 60) горгиппийского фиаса, оставившего по себе целый ряд эпиграфических памятников. Со всеми вышеизложенными оговорками надпись может быть передана по-русски в следующих словах:

«При друге цезаря и друге римлян, благочестивом царе Тиберии Юлии Савромате (статую) отца своего и благодетеля Неокла Геродорова, бывшего правителя Горгиппии, поставил Геродор Неоклов, правитель Горгиппии, чести ради, в год 483 [187 н. э.], месяца лоя, пятнадцатого дня».

Л. А. Ельницкий

КРИТИКА И БИБЛИОГРАФИЯ

С. П. ТОЛСТОВ. Древний Хорезм, М., 1948, 352 стр., тираж 3000 экз., цена 40 руб.

Достижения советской археологии наполнили новым и ценным содержанием историю народов нашей необъятной родины, начиная с древнейших времен палеолита и кончая эпохой феодализма. Замечательные успехи выпали на долю археологов при исследовании древних городищ и некрополей советского Востока, как в Закавказье, Грузии, Армении и Азербайджане, так и в наших среднеазиатских республиках. В особенности ценными для исторической науки являются результаты раскопок развалин мертвых городов, селений, крепостей и замков Средней Азии. Советские археологи вызвали из небытия древнюю историю последней, ибо для дореволюционной историографии, даже для такого ее крупнейшего представителя, каким был В. В. Бартольд, история Средней Азии начиналась по существу с VIII в. н. э., т. е. с времен арабского завоевания. Причина подобного усечения истории среднеазиатских народов была обусловлена гибелью письменной традиции домусульманской эпохи, уничтоженной варварской жестокостью арабских завоевателей. В данном отношении, пожалуй, больше всех пострадал Хорезм. Его величайший ученый ал-Бируни, живший на рубеже X и XI вв., сохранил нам прямое свидетельство о свирепом вандализме арабского военачальника Кутейбы, который уничтожением хранителей письменности и преданий хорезмийцев достиг полного забвения знаний об их древней истории.

Поэтому С. П. Толстов своими систематическими, из года в год продолжавшимися раскопками в области Хорезма подарил советской, а тем самым и передовой мировой науке богатый материал для восстановления уничтоженных Кутейбой летописей этой древней культурной страны. С. П. Толстов полностью использовал четкую методику ведения раскопок, созданную нашей дореволюционной археологией. Он, подобно Б. В. Фармаковскому и другим выдающимся представителям русской археологической науки, вел свои раскопки по строго предначертанному плану и не ломал его ради погоди за сенсационными открытиями.

Вместе с тем он обогатил нашу методику новыми приемами и в первую очередь широким использованием авиации. Правда, последняя стала впервые применяться для археологических работ за рубежом, но там с ее помощью пытались решать лишь отдельные частные задачи археологического и историко-географического характера. С. П. Толстов же поставил аэросъемки в теснейшую связь с археологической разведкой и наземными раскопками. Применяя аэроразведку, руководитель хорезмских археологических экспедиций мог изучить древнюю ирригационную сеть, уточнить планировку древних поселений и уяснить архитектурный облик зданий последних. Аэро-разведка оберегает исследователя от опасности оставить без внимания какой-либо памятник, и, таким образом, С. П. Толстов мог учесть при своих раскопках всю совокупность подлежащих изучению археологических объектов. Поэтому Хорезмская экспедиция могла обогащать советскую науку столь обильным и замечательным историческим материалом, вплоть до открытия в 1948 г. в грандиозном замке-дворце Топрак-кала архива, сохранившего несколько десятков документов.

Весь этот археологический материал С. П. Толстов сделал еще более ценным благодаря тому, что он не ограничился одним лишь извлечением его из недр земли,